

20. Пастушенко О. В. Художня парадигма жіночих характерів у прозі Уласа Самчука в контексті української літератури : автореф. дис. ... канд. філолог. наук : спец. 10.01.01 – українська література / О. В. Пастушенко. – К., 2002. – 17 с.
21. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков; Академия наук СССР; Отделение истории; Ордена Трудового Красного Знамени Ин-т Археологии. – М. : Наука, 1987. – 783 с. : ил.
22. Старосвѣтскій бандуриста : в 3 кн. / собралъ Н. Закревскій. – М. : Университетская типографія, 1860–1861. – Кн. 1 : Избранныя Малороссійскія и Галицкія пѣсни и думы. – 1860. – С. I-136.
23. Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ Западно-Русскій край, снаряженной Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ. Юго-Западный отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія : в 7 т. / собранныя д.-чл. П. П. Чубинскимъ. – Петербургъ, 1872–1878. –Т. 5 : Пѣсни любовныя, семейныя, бытовыя и шуточныя / изд. подъ наблюденіемъ д. чл. Н. И. Костомарова. – СПб. : Типографія Майкова, 1874. – 688 с.
24. Українські народні пісні в записях Зоріана Доленги-Ходаковського (з Галичини, Волині, Поділля, Придніпрянщини і Полісся) / упоряд., текст. інтерпр. і ком. О. І. Дея; атриб. автографів, копій та передм. Л. А. Малаш, О. І. Дея; АН УРСР, Ін-т мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М. Т. Рильського. – К. : Наукова думка, 1974. – 781 с.
25. Юнг К. Г. Отношения между Эго и бессознательным / К. Г. Юнг // Психология бессознательного / К. Г. Юнг; [пер. с англ.]. – 2-е изд. – М. : Когито-Центр, 2010. – С. 143-270. – (Карл Густав Юнг. Сочинения).
26. Юнг К. Г. Психологические аспекты архетипа матери / К. Г. Юнг // Структура психики и архетипы / К. Г. Юнг; пер. с нем. Т. А. Ребеко. – М. : Академический Проект, 2007. – С. 44-79. – (Психологические технологии).
27. Янів В. Нариси до історії етнопсихології / В. Янів; упоряд. М. Шафовал. – 3-є вид., стер. – К. : Знання, 2006. – 341 с.

Тихонова О.И.

УДК 008:316.61:392:159.922.4

ПСИХОАНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Культурология в настоящее время рассматривается как система знаний о сущности, закономерностях существовании и развитии, значении и способах постижения культуры, которая стремится к изучению к ее изучению всей полноте проявлений и сущности [1, с.6]. Ее признают, в основном, в качестве исследующей генезис, функционирование и развитие культуры в целом. Мы считаем важным принятие интегративной сущности культурологии, обобщающей достижения всех дисциплин, изучающих различные аспекты бытия человека и общества, а, следовательно, и семьи. Такой подход дает возможность использовать культурологию в практической консультативной деятельности в условиях кризиса семьи, духовности и нравственности в мультикультуральном обществе.

Цель статьи - показать, что практическое применение культурологии в сочетании с психоанализом как культурологической концепцией является эффективным методом в работе с полиэтническими семьями с целью повышения психологической и межкультурной адаптации.

Автор статьи ставит перед собой такие **задачи**:

1. Показать психоаналитическую культурологию как теоретическую систему
2. Рассмотреть роль культуры в процессе социализации личности
3. Показать на примерах из практики автора возможности практического использования культурологии для выхода из кризисов личности, которые возникли вследствие неэффективных процессов социализации в родительской семье.

Проблемы формирования личности, ее ценностного мира могут быть решены при использовании комплексного подхода путем обращения не только к природным характеристикам человека, что не позволяет проникнуть в область его «внутренней» жизни, в тайну бытия, но и к психическим явлениям жизнедеятельности человека, духовному постижению мира.

На рубеже XIX- XX вв., в период значительных открытий и достижений в естественных науках, обнажилась недостаточность механистических и натуралистических толкований природы человека.

Именно в это время формируется концепция психоанализа, создателем которой явился австрийский врач-психоаналитик Зигмунд Фрейд (1856-1939). Вначале эта теория служила лишь подсобным инструментом психоанализа, но впоследствии произошел своеобразный «перелом» – в известной степени синтезирование двух плоскостей исследования человеческой природы: не ограничиваясь исследованием природных элементов человеческой природы, З. Фрейд обратился к анализу внутреннего мира, психических явлений человека, смысла человеческого поведения. Исследователь пришел к необходимости выявления значения культурных и социальных образований для формирования психической жизни человека и его психологических реакций. Это, в свою очередь, предполагало более глубокое изучение структуры личности, поскольку при анализе и оценке человеческой деятельности З. Фрейд постоянно сталкивался с такими поведенческими характеристиками, которые не покрывались областью сознательного и рационального в человеке. Психоаналитическая концепция Зигмунда Фрейда, оформленная к середине 20-х гг. XX в., рассматривает единство трех составляющих: философско-культурологической, клинической и научно-психологической. Теоретический уровень классического психоанализа представляет комплексное

исследование, «ориентированное на надличностные историко-культурные и культурологические доминанты, может ответить на вопрос о природе человека, его психики...» [3, с.217].

В 20-е гг. XX в. произошел «перелом» в пользу «культурологизации» психоанализа. В этапной книге З. Фрейда, написанной в творческом контакте с К.Юнгом, – «Тотем и табу» (1913) – сформулирована программа, в которой культура в ее развитии и функционировании выступала в качестве первичного основания и для клинических интерпретаций, и для теоретических обобщений. В основание культурогенеза Фрейд поставил фигуру терзаемого неосознаваемым чувством вины дикаря, проецирующего вовне мучительный ужас амбивалентности (двойственности переживания) нарождающегося индивидуального психического мира, обозначающего мифологическими образами путь индивидуализации, «выламывания» из массовидного безличностного существования. З. Фрейд построил свою исходную «объяснительную модель культуры как отчужденной от человека системы принудительной индивидуализации, объединяющей в одном акте как нормативные запреты-табу, так и приемы, снимающие страх и чувство вины, вызванные этими запретами». В последующих работах: «Психология масс и анализ человеческого Я» (1921), «Будущее одной иллюзии» (1927), «Недовольство культурой» (1929) и «Человек Может и монотеистическая религия» (1938) – З. Фрейд окончательно сформулировал культурологию классического психоанализа, введя в контекст обсуждения социальный аспект [6].

З. Фрейд не только использовал свое глубокое знание философской традиции (Платон, Аристотель, И. Кант, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше и др.), но и предложил свою оригинальную теорию философской культурологии. З. Фрейд объединил две проблемы – смерти и рождения. Он утверждал, что каждая катастрофическая ломка нашего жизненного мира есть однопорядковое «убийство» нашей смелости и образование определенного пласта бессознательного. Понятия «смерть» и «рождение» при этом сливаются воедино. Исходя из этого, задача культурологии в рамках классического психоанализа – исследование трех этапов «рождения – смерти» в контексте системы «человек – культура».

1. Культура рождается вместе с первым прачеловеком как система его фобий, функционально распадающаяся на свод провоцирующих запретов и набор навязчивых ритуалов символического их нарушения. По мере хода исторического процесса индивидуализации, по мере «выламывания» человека из родового монолита, становления индивидуальной воли и сознания по образному выражению, скелет базовых заповедей культуры обрастал «мясом» мифологических проекций, образов, идеалов, иллюзий, вытесняя коллективное, родовое предсознание, превращая его в первичное филогенетическое бессознательное. Примитивный человек проецирует на противостоящий ему мир культуры свой страх наказания за первородный грех бегства из рая изначальной обезличенности.

2. Культура поворачивается своей продуктивной стороной, выступая в качестве отработанной веками программы вочеловечивания, символического ряда «древних соблазнов», приманок индивидуализации. Она пробуждает в поле памяти ребенка прадревние, архетипические переживания при помощи их символического реального или же фантазийного повторения в период раннего детства – в сказках, играх, сновидениях.

3. Культура проявляет себя исключительно репрессивно; целью ее является защита общества от свободного индивида, а средством – тотальная фрустрация, психологический стресс, «перегонка» свободы в чувство вины и ожидание кары, что усиливает культурное давление и усугубляет ситуацию. В поле сознания личности появляется понятие смерти (как квинтэссенции врожденности культурного окружения) и его интерпретации в философии культуры [6].

В истории культуры подобное трагическое противостояние личности и культуры порождало контркультурные программы, призыву к «возврату в естественное состояние». Достаточно вспомнить эпоху Просвещения (концепция Ж. – Ж. Руссо и др.). Психоаналитическая культурология выдвинула ряд принципов подхода к данному противоречивому феномену культуры.

Принцип историчности, использующий методологию «сообщающихся сосудов» по аналоговой линии «дикарь – ребенок – невротик», фактически и породил психоаналитическую культурологию как теоретическую систему и прикладной психоанализ как ее практическое воплощение. Заполнить лакуны, белые пятна, касающиеся самых ранних этапов вхождения человека в режим принудительного окультуривания, удалось исключительно благодаря параллелям из области антропогенеза. Принцип историчности, предоставляя классическому психоанализу образ архаического героя, проецирующего на тело культуры свои защитные фобийные фантазии, в качестве своеобразного универсального ключа ко всем загадкам культурогенеза, позволяет корректировать его течение при помощи арсенала апробированных веками средств культурного воздействия, среди которых особое значение имеет травматизм сказочных сюжетов.

Принцип критицизма позволяет поставить вопрос об адекватности компенсаций и обоснованности культурных запретов и предписаний. «Психоанализ призывает ослабить строгость вытеснения влечений и отвести вместо этого больше места правдивости», – отмечал З. Фрейд в 1925 году [7, с.5]. Человек действительно есть единственное живое существо, которое обречено на изначальную и ничем не сдерживаемую в нем самую агрессивность (т. е. ориентацию на ничем не ограниченное удовлетворение своих индивидуальных желаний). Но он спровоцирован на агрессию совершенно особой задачей – индивидуацией, которая делает его автономной личностью, в отличие от невротика, ребенка и дикаря. Культурное же развитие заключалось в том, чтобы и провоцировать, и фобийно ограничивать данный процесс психологического личностного освобождения. Делает это культурная среда за счет формирования запретов на реакцию на ее пространстве любых форм освобождения от родовых табу, начиная с первичных

желаний инцеста инцестуозных и каннибализма. Таким образом, культура (как коллективное Эго) функционально воссоединяется с родовой традицией (коллективным Ид), перенимая от нее стремление к нейтрализации свободы индивида. По словам Фрейда, именно этот репрессивный по отношению к индивиду характер современной культуры, утопивший агрессию индивидуации в массовых иллюзиях демократического и тоталитарного мифов, несет ответственность за все тяготы и беды существования современных людей, с их массовой невротичностью, навязчивым и бессмысленным техническим «прогрессом», потенциальной агрессивностью массовых реакций и всеобщей инфантилизацией, порождаемой тотальным бессознательным страхом перед будущим, т. е. перед собою» [6, 7].

Принцип амбивалентности учит нас не позволять себе отклоняться от мудрой формулы Бенедикта Спинозы: «Не плакать, не смеяться, а понимать». Культура сугубо репрессивна, считает З. Фрейд, она есть враг индивида, взятого в его изолированности, единичности, сепаратности; ее гнетущий груз давит на нас постоянно, требуя приносить в жертву самые естественные наши желания (и даже помыслы). Учитывая это, З. Фрейд разработал принцип терапии культуры, универсальную методологию, которую он назвал «метапсихологией», основанной на идее «терапии культурных сообществ», опирающейся на гармоничное единство мужской и женской ипостасей нашего мира психики [2, с. 303-307].

Психика человека представляется Фрейду расщепленной на две противоречащие друг другу сферы – сознательное и бессознательное, которые представляют собой существенные характеристики личности. Сознательное своим происхождением, по Фрейду, обязано бессознательному и выкристаллизовывается из него в процессе развития психики. Созданная Фрейдом модель личности предстает как система из трех элементов [5, с. 71]:

«Оно» (Id) – глубинный слой бессознательных явлений, психическая «самость», основа деятельного индивида, которая руководствуется принципом «удовольствия» безотносительно к социальной реальности, «Я» (Ego) – сфера сознательного, находящегося между «Оно» и внешним миром – и природным, и социальным, соизмеряющим деятельность «Оно» с «принципом реальности», целесообразностью и внешнеполагаемой необходимостью;

«Сверх – Я» (Super-Ego) – внутриличностная совесть, критическая инстанция, «которая возникает как посредник между «Оно» и «Я» в силу неразрешимости конфликта между ними. «Но по своему содержанию «Сверх – Я» ближе к «Оно» и даже противостоит «Я», что может привести к конфликтной ситуации, ведущей к нарушению психики человека. В своих исканиях Фрейд вышел за рамки чисто «природного» толкования психических процессов и направил свое внимание к социальным и культурным аспектам жизни человека. В своих работах З. Фрейд рассмотрел глубинные мотивы личностного поведения и выявил последовательное движение по линии онтогенеза: первичный младенческий аутоэротизм → начало объективаций и семья как первичная масса → индивидуализация как вынужденная реакция на травматический разрыв первичных (опорно-материнских) объектных связей → выход на предельный рубеж психологической суверенности, к состоянию «современного человека», (по выражению К. Юнга) [8, с. 293].

В качестве базовой объяснительной модели понимания души человека З. Фрейд избрал образ многоуровневой, персонифицированной вневременной памяти, «стесненной» в бессознательном. Ее содержание постоянно и непрерывно прорывается к припоминанию и отреагированию. Эта память сконцентрировала в себе наследие биологической эволюции, историю развития человеческого рода и индивидуальный вытесненный опыт. Фрейд доказал, что есть единственный способ и систематизировать эти желания и архаические влечения: свести их к некоему основанию путем анализа внешних культурных детерминант, т. е. системы символов и ритуалов. Методики интерпретации культурной символики и ритуальности позволили вывести структуру акта вытеснения и проявления вытесненных аффектов и желаний через организацию катарсической ситуации. («Остроумие и его отношение к бессознательному», 1905). Характерным в этом плане явилось выявление глубинных мотивов и энергетических истоков акта сублимации на материале единичной инфантильной фантазии великого художника эпохи Возрождения («Леонардо де Винчи. Одно детское воспоминание», 1910) [6].

Вся человеческая культура истолковывается Фрейдом как отчужденный слепок коллективного по своей сути и родового по своему происхождению бессознательного. З. Фрейд признавал «наследственность» и «природность» бессознательного, но не абсолютизировал его силу и власть, так же, как и тезис, что бессознательное всецело исходит из необузданных влечений человека. Задача психоанализа, по Фрейду, заключается в том, чтобы бессознательный материал человеческой психики перевести в область сознания и подчинить его своим целям. З. Фрейд верил в способность осознания бессознательного, отразив это в формуле: «Там, где было «Оно», должно быть «Я». В лекциях З. Фрейд сравнивает работу психоаналитика с культурной работой по осушению залива Северного моря Зейдер-Зе у берегов Нидерландов (этот залив образовался в 1282 г. в результате наводнения, а в 30-х 19 века залив **был осушен**). Так же Фрейд определяет и цели терапии: «Осушить море бессознательного, превратив его в территорию «Я». Это возможно при осознании индивидом своего пути социализации инстинктов, или окультуривания инстинктов. Это аналитический процесс понимания, познания, принятия. Если индивид понимает и принимает свой путь развития «Я», «Супер-эго» и «Идеального Я», понимает особенности бессознательного, в этом случае на конфликтное столкновение между частями структуры сознания тратится все меньше энергии, управление всеми частями перехватывает «Я» [6].

Вся аналитическая деятельность З. Фрейда была направлена на то, чтобы по мере раскрытия природы бессознательного человек мог овладеть своими страстями и сознательно управлять ими в соответствии с традициями и нормами своей реальной жизни. В процессе практического применения анализа происходит реконструкция процесса социализации в его более эффективном варианте. При этом символическую роль

родителя играет консультант, который, используя психоаналитические подходы, дает возможность индивиду познакомиться со своим бессознательным, помочь своему «Я» в конфликте с «Супер-эго» и «Идеальным Я». Практическая культурология в данной работе покажет индивиду глубинную причину этих конфликтов в процессе «окультуривания инстинктов», а также роль традиций и ценностей в процессе социализации личности и в формировании семьи. Опыт практической работы автора показывает эффективность такого комплексного использования культурологии и психоанализа в консультативной деятельности.

Для иллюстрации такой работы приведу случай из практики. На прием в медицинский центр родители привели сына Артура семи лет с жалобой на его агрессивное поведение. В ходе первой консультации выяснилось, что ребенок приемный, что он другой национальности, и что родители собирались усыновить еще одного ребенка – девочку. Но поведение сына приостановило процесс усыновления. Запрос был таков: Как нам быть с этим ребенком, мы с ним не справляемся. Брать ли нам второго?

В этой мусульманской семье, с традициями патриархальности, роль главы семьи муж играл только номинально. Он был интравертированным, чувствительным, подчиняемым, в семье чувствовал защищенность, но мир вокруг вызывал у него ощущения неуверенности и тревоги. Основные решения принимала более доминантная жена. Все эмоции, не имеющие позитивной окраски, в этой семье проявлять не принято. Ребенок в последнее время стал более агрессивен и подчинялся только матери. Если до шести лет ведущее мышление – наглядно-образное и критика не развита, то с семи лет ведущим становится абстрактно-логическое мышление. Мальчик чувствовал нарушение ролей в семье. Он обладал более сильным темпераментом, чем отец, и стал проявлять неподчинение, протестуя, таким образом, против стереотипов этой культурной традиции, требующих пусть формального принижения роли лидирующей и более принимающей его матери. Мальчик эффективно конкурировал с отцом за роль доминантного мужчины в своей семье, иногда провоцируя конфликты между матерью и отцом. Ни отец, ни мать не могли «контейнировать» его агрессию, т.к. такие нормы не были приняты в их родительских семьях. В данном случае под термином «контейнирование» мы подразумеваем способность родителей принимать несоциализированные на данном этапе агрессивные импульсы ребенка, показывая пример их социально приемлемого проявления. Негативные эмоции дети в этой этнокультуре отражать не должны, поэтому ни родители, ни мальчик не были обучены способам социализации агрессии. Также было отмечено интеллектуальное превосходство мальчика над приемным отцом. Пассивность же отца в семейных отношениях говорит о жестком подавлении инстинктов в данной этнокультуре. Наилучший выход был бы в формировании демократичных отношений в данной семье, но специфика этнокультурных особенностей не способствовала таким изменениям. Родители жили в большом доме со своими пожилыми родителями, которые сопротивлялись изменению семейных традиций. Мальчик же находил все новые формы воздействия на отца для получения желаемого результата. Если ситуация не изменится, в перспективе могут быть сформированы предпосылки для асоциального поведения Артура, поскольку таким, какой Артур есть, его семья не принимает. Систему же семейных норм и ценностей, которая не соответствует ситуации в семье отвергает мальчик. Естественно, Артур в дальнейшем начнет искать иную систему ценностей и принимающую его группу за пределами семьи.

Если наши родители сами не в состоянии проявлять гнев приемлемым для своей культуры способом и не в состоянии научить этому ребенка. В этом случае ребенок начинает выходить из-под контроля, родителям становится все труднее с ним справляться. Если он не находит отклика, можно ожидать, что плохое (асоциальное) поведение будет вызывать все больше проблем, т.к его разрушительные эмоции не были окультурены, не были социализированы.

Семьи с детьми часто обращаются за помощью в ситуации неэффективной социализации ребенка в семье, которая проявляется в агрессивном поведении, отказе от учебы, эмоциональных нарушениях и т.д.

Очень часто в семьях, в которых эти процессы приняли хроническую форму, обращаются за помощью для своих уже взрослых членов в предразводных ситуациях, т.е при разрушении семьи.

Показательным будет пример семьи, обратившейся за помощью в предразводной ситуации. Авторитарный и доминантный молодой мужчина после брака с женщиной другой национальности и вероисповедания стал достаточно жестко вводить в новой семье традиции и ценности, принятые в его родительской семье. Появившиеся дети стали причиной новых конфликтов, поскольку при воспитании детей их отец требовал соблюдения традиций своей родительской семьи. Возникла предразводная ситуация. Именно в этот период супруги и обратились за помощью. В работе с этой семьей шел поиск компромисса в культурном наследии двух народов. Надо было учитывать при работе с этнокультурными традициями то, что ценности, которые проявляют низкую организационную эффективность, адаптационную несостоятельность, начинают подвергаться сомнению и считаются необязательными в структуре семейных нормативов. Впоследствии они разрушаются под напором внешних и внутренних воздействий и открываются каналы для проникновения иных культурных образцов. Те из них, которые держатся на переживаемом опыте, общем для представителей всех поколений семьи, скорее всего, сохраняются при трансляции от старших поколений к младшим. Те же традиции, которые более используются как символы, демонстративные признаки принадлежности к семье, или же удерживаются по привычке, утратив свои адаптивные свойства, становятся объектами изменений. Для молодых такие действия, суждения, связи несозвучны их переживаниям, не имеют для них непосредственной значимости, личностного смысла, кажутся ненужными, лишними, устаревшими. Соответственно молодые пытаются преодолеть такие семейные стереотипы, установить какие-то более приемлемые для себя порядки в

отношениях и взаимодействиях с другими членами семьи. Эти особенности необходимо было объяснить супругам для того, чтобы новые традиции семьи были адекватными для настоящего времени и могли транслироваться детям. Также следовало учитывать жесткую социализацию и подавление, принятые в семье мужчины. Так же он пытался воспитывать – социализировать и своих детей. Его жена сопротивлялась его подходам в воспитании, а следом за ней дети и ее родители включились в конфликт. Сложившаяся ситуация формировала протестные отношения в семье, что усиливало конфликт между мужем и женой.

Еще одним поводом для обращения за консультацией являются неэффективные коммуникативные навыки, сформированные в семье, если родители принимают мир как угрожающий. В этом случае они будут гиперопекающими, система ценностей семьи слабо структурированной, традиции жесткими, не гибкими. Связи с другими социальными группами будут в таких семьях нарушенными, а дефицит общения ослабит трансляцию культурных традиций и ценностей, характерную для одной возрастной группы. Как показывает опыт автора члены таких семей обращаются за помощью в ситуациях экзистенциальных кризисов: утрата, одиночество, расставание, потеря работы.

Наташа, 42 лет, обратилась за помощью в ситуации двойной утраты – расставание с близким человеком и потеря работы. Она чувствовала себя выключенной из жизни, брошенной, никому ненужной. Ее семья всегда вела уединенный образ жизни, традиции не соблюдались, главным в иерархии ценностей ее родителей было материальное благополучие. Такое отношение привело семью к изоляции даже среди родственников. После потери работы и расставания с мужем-однокурсником Наташа не смогла воссоздать утраченные социальные связи. Следует отметить полиэтнический характер семьи Наташи: отец девушки был молдаванином, а мать болгаркой.

Каждый человек формирует в своей жизни разное количество социальных связей – референтных групп. Между членами таких групп складываются довольно близкие, доверительные отношения, которые со временем могут сочетаться с дружескими, семейными. Межличностное общение выстраивается прежде всего вокруг предметов общего интереса, поэтому нормы и правила взаимодействий здесь не особенно затруднительны. Эти группы восполняют дефицит общения и являются в то же время носителями культурных традиций [4, с. 60-67]. В ходе консультаций после анализа иерархии ценностей девушки, ее личностных и профессиональных особенностей (Наташа получила специальность – экономическая кибернетика) было предложено сформировать список из 10 возможных референтных групп. Первой такой группой для Наташи стали участники ежемесячного бизнес-форума. Они встречались один раз в месяц для обмена информацией об особенностях развития бизнеса, делились новостями. Оставалось время для обмена личной информацией об увлечениях и хобби. После двух месяцев работы она, выполняя рекомендации психолога-культуролога, стала активным участником бизнес-форума, взяв на себя организационные функции. Ощущение потерянности прошло, новый круг знакомых восполнил дефицит дружеского общения после утраты, появилась перспектива формирования новых партнерских отношений. Один из участников форума дал ей рекомендации для работы. Встречи членов форума носили ритуальный характер, описанный в уставе и строго соблюдавшийся. Обряды и ритуалы являются тем механизмом отстранения, который придает устойчивость и повторяемость определенным комплексам действий, психических состояний, переживаний и т.п. Участникам предлагался в соответствии с традициями организации дресс-код и украшение зала. Совместная трапеза носила ритуальный характер – на столе присутствовали определенные блюда. Даже доклады-списи участвовали в обряде. Такая упорядоченность создавала ощущение стабильности. В то же время дни презентаций давали возможность встреч с новыми людьми, событиями, явлениями. В результате Наташа смогла создать новую систему социальных отношений, в которых чувствовала себя значимой. Традиции организации (еженедельные встречи, совместные праздники и ритуалы) давали ощущение стабильности. Она устроилась на работу. Второй референтной группой стало этническое общество, в котором она стала восстанавливать утраченные ее семьей традиции. Благодаря этому она смогла вернуть себе расположение и поддержку родственников. Жизнь наполнилась планами и видением перспектив.

Мы видим как действует механизм традиции, т.е. передачи культурного опыта, что называется "из рук в руки, из уст в уста. Ядро таких отношений составляет семья; ее первое кольцо окружения составляет сеть дружеских связей; второе образуется свободными ассоциациями людей по интересам; третье – знакомыми. Эта форма обусловлена теснотой, частотой, интенсивностью связей между людьми: по мере движения от центра к периферии величина всех названных переменных убывает [67].

Выводы: Как видно из приведенных случаев, семья, не транслирующая систему традиций ребенку как определенную схему структурирования жизни, не дает ему ощущение упорядоченности и целостности. Роль семьи в трансляции культурных традиций велика, несформированность же ценностного сознания и иерархии ценностей приводит вначале к семейным конфликтам, а потом и к кризису личности и семьи в целом. Используя практическую культурологию и психоаналитический подход в консультативной деятельности, психолог-культуролог может оказать помощь личности и семье в ситуации кризиса.

Источники и литература:

1. Берестовская Д. С. Культурология / Д. С. Берестовская. – Симферополь : Бизнес-информ, 2005. – 398 с.
2. Мацумото Д. Психология и культура / Д. Мацумото. – СПб. : Питер, 2003. – 720 с.
3. Медведев В. Философская культурология психоанализа / В. Медведев, С. М. Черкасов // Философия культуры : становление и развитие. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995. – С. 217-227.
4. Орлова Э. А. Социокультурное пространство обыденной жизни : метод. пособие по курсу «Культурная антропология» / Э. А. Орлова. – М. : ГАСК, 2002. – С. 60-67.

5. Фрейд З. Я и Оно / З. Фрейд. – Тбилиси : Мерани, 1991. – Т. 1. – С. 71-138.
6. Фрейд З. Собрание сочинений : в 10 т. / З. Фрейд; пер.: М. Вульф, Н. Алмаев. – М. : Фирма СТД. – 2006.
7. Фрейд З. Сопротивление против психоанализа / З. Фрейд // Психоаналитические этюды. – Минск: Беларусь, 1991. – С. 5-47.
8. Юнг К. Проблема души современного человека / К. Юнг // Проблемы души нашего времени. – М. : Прогресс, 1993. – 336 с.

Шаповалова О.В.

УДК 78

СПЕЦИФІКА ФОЛЬКЛОРИЗАЦІЇ ІНСТРУМЕНТАЛЬНОЇ МУЗИКИ КОМПОЗИТОРАМИ ДОНЕЧЧИНИ

У статті послідовно розглядається проблема використання музичного фольклору композиторами Європи, де, з XVII сторіччя відбувається процес становлення національних музичних культур. На історичному тлі різноманітних форм звертання до фольклору українськими композиторами, акцент робиться на специфіці фольклоризації інструментальної музики композиторами Донецької обласної організації композиторів Національної спілки композиторів України, яка полягає у спробах звертання як до українського національного фольклору, так і до музичного фольклору інших народів. Відмічається що з донецьких композиторів першим до фольклору звернувся С.Ратнер. Етнографічний інтерес А.Водовозова до фольклорної екзотики виявляється у вокальній творчості та обробках народних пісень. Аналізуються зв'язки з фольклорними першоосновами композиторів О.Рудянского, О.Некрасова, Є.Мілки.

Соціальний, моральний аспект змісту окремого твору не може не бути “забарвлений” почуттям національної самосвідомості як основи справжньої інтернаціональності і гарантії узгодження суперечностей між формою та змістом¹.

Проблема використання фольклору в композиторській творчості співзвучна проблемі традицій і новаторства. Одні автори глибоко проробляють традиції і традиції стають новими досягненнями, а потім ці нові досягнення стають традиціями.

В українському музикознавстві питання фольклоризації професійної музики розроблялося і розробляється певним колом авторів, серед яких: М.Гордійчук, А.Поставна, О.Зінкевич, Г.Конькова.

Не претендуючи на вичерпне розкриття цієї проблеми, метою статті є: простеження деяких процесів інтеграції музичного фольклору в інструментальній музиці українських композиторів ХХ століття. Особливий акцент робиться на специфіці фольклоризації інструментальної музики композиторами Донецької обласної організації композиторів Національної спілки композиторів України.

Відповідно до наукового положення, висунутому М.Арановським, розуміння «народних пісень і танців як знаків реальності, а не мистецтва, було виховано пасторально-буколічною темою у творчості XVIII століття і за традицією ще довго зберігалось в XIX сторіччі. І хоча в середині XIX століття, у зв'язку з зародженням національних музичних шкіл, виникло інше відношення до народної пісні, її функція в рамках інструментальної музики як знака, що актуалізує цілі шари асоціацій з реальністю, з картинами природи, не зникло донині» [1, с.62].

Починаючи з XVII сторіччя, у мистецтві Європи відбувається процес становлення національних музичних культур. Одним з найважливіших чинників цього процесу було впровадження в професійну музику елементів музичного фольклору.

Народна пісня завжди була і залишається втіленням мудрості народу, його духовної краси, життєвої сили, його національного характеру.

Звертаючись до фольклору, композитори показують через нього те, що існує здавен, має свою велику історію, є сталим і визначним, все те, в чому вони бачать свою країну, свій народ.

Впровадження фольклору в професійну музику значно розширило тематику жанрів, сприяло оновленню музичного мислення, активному застосуванню прийомів і засобів, доти не знаних у мистецькій практиці, що значно збагатило виразовий арсенал музики, надало широкі можливості для створення індивідуальних композиторських стилів у виділенні національного в рамках класичних схем, форм. Особливо активно цей процес відбувається у дев'ятнадцятому сторіччі в творчості західноєвропейських композиторів: Ф.Шуберта, Ф.Мендельсона, Р.Шумана, Ф.Шопена, Ф.Ліста.

На національному ґрунті виросла також російська музична школа. Творчість М.Глінки, М.Мусоргського, П.Чайковського, О.Бородіна, О.Глазунова, С.Рахманінова, С.Прокоф'єва, Д.Шостаковича - це ті явища справді високого мистецтва, які довго служитимуть взірцями для сучасних українських композиторів.

Українська професійна музика вже з перших кроків свого існування тісно переплелася з народним музичним мистецтвом і в наш час продовжує жити невичерпними цілющими джерелами національного фольклору.

1. “Згадані протиріччя знімаються у художніх явищах, де естетично взаємодіють старий зміст зі старою формою або новий зміст з новою формою. Вони так чи інакше породжені в одному випадку апологетикою національних традицій, романтичною ідеалізацією старовини, в іншому – новаторським радикалізмом з притаманним йому нігілістичним ставленням до тих традицій (звідси – спорідненість псевдоноваторства з космополітизмом)” [3, с. 72-73].